
КУПАВА ОГИНСКАЯ
ЦВЕТОК
ПАПОРОТНИКА

Купава Огинская
Цветок папоротника

https://litres.ru/74944554
SelfPub; 2026

Аннотация

Ада заметила, что в одном из окон соседнего дома всегда горит свет. Даже когда во всём районе пропало электричество, окно по-прежнему ярко светилось. Желая узнать причину, она случайно обратила на себя внимание тех, кого принято называть нечистью.

Теперь на каждом шагу ее подстерегают смертельные опасности и не поддающиеся объяснению происшествия.

Если Ада хочет вернуться к нормальной жизни, в Купальскую ночь ей нужно найти цветок папоротника. Но самое главное: она должна решить, кому же довериться, чтобы выжить.

Любопытство, быть может, и не сгубит Аду зато новые знакомые вполне на это способны.

Содержание

37 дней до Иван Купалы 5
29 дней до Иван Купалы 10
28 дней до Иван Купалы 35
27 дней до Иван Купалы 53
26 дней до Иван Купалы 62
25 дней до Иван Купалы 76
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Купава Огинская
Цветок папоротника

37 дней до Иван Купалы

Ранним весенним утром уютный дворик старой пятиэтажки утопал в солнечном свете. Бодро щебетали сытые воробьи, прячась в свежей нежной листве. А в доме напротив, на последнем этаже, в окне, которое Ада за последние десять дней успела изучить до мельчайших деталей, всё так же горел свет.

— На учёбу спешите? — посреди разбитой под окнами дома клумбы с тяпкой в руках уже трудилась Агрипина Всеволодовна. Бодрая и общительная пенсионерка.

— Последний экзамен сегодня. — бодро отчиталась Настенька.

— Ну удачи, удачи вам, девочки.

Ада вежливо улыбнулась и поблагодарила. И не вздрогнула, когда нервно и звонко залаял пёс. Мимо, держа на поводке залюбленную дворнягу, прошла соседка с четвёртого этажа, негромко уговаривая пятнистого Тимошу успокоиться.

Но успокаиваться он категорически отказывался и перестал лаять, только оказавшись в тёмном нутре подъезда — лампочку на первом этаже снова кто-то умыкнул ещё неделю назад, а новую до сих пор не вкрутили.

Переехав в съёмную квартиру в начале учебного года и познакомившись с доброжелательной и гостеприимной Агрипиной Всеволодовной, Ада сначала сильно удивилась,

когда впервые стала свидетельницей этой яростной ненависти Тимошки к такой милой женщине.

Агрипина Всеволодовна тогда лишь посмеялась, заверив, что пёс её невзлюбил, потому что она подкармливает дворовых кошек, а те уж больно ласковые и всё норовят забраться на руки.

— Пахнет от меня кошками, вот и ярится…

Ада проводила взглядом хозяйку и перенервничавшего пса и против воли вновь посмотрела на окно соседнего дома.

Впервые она обратила на него внимание, когда засиделась допоздна, доделывая презентацию к докладу. Закончила в третьем часу ночи и пошла на кухню, чтобы выпить воды. Там и заметила, как среди слепых, тёмных окон особенно сильно выделялось одно светлое. Сквозь плотные шторы свет пробивался мягким, тёплым, будто живым сиянием.

Заметила и забыла, но через несколько дней Ада невольно обратила внимание, что свет в том окне горел круглосуточно. Днём и ночью, в выходные и будни, когда бы она ни вспомнила о нём, там обязательно, неизменно горел свет.

Тогда она поделилась своими наблюдениями с Настенькой — её одногруппницей и соседкой. Они на пару снимали небольшую двухкомнатную квартирку недалеко от университета.

— Может, кто-то из дома работает. — пожала плечами Настенька. — А может, без света жить не может, у меня бабушка такая. Или выключать постоянно забывает. Да какая

разница?

Ада согласилась, что разницы действительно никакой, но всё так же продолжила следить за светом в окне. И чем дольше она смотрела, тем неспокойнее становилось на сердце.

— Теть Агрипин, а вы про Василия ничего нового не слышали? — полюбопытствовала Настенька. — Я вчера видела, участковый опять соседей опрашивал ходил.

Василием был местный пьяница, судьба которого мало кого интересовала, кроме его жены. Но уж та, как только муж не вернулся домой ночью и не обнаружился в привычных местах возлияний, подняла страшный переполох и впервые за долгое время заставила местного участкового действительно работать.

Но несмотря на это, шёл уже четвёртый день, а Василий так до сих пор найден не был.

Агрипина Всеволодовна недовольно поджала губы, как делала каждый раз, стоило только кому-нибудь в разговоре упомянуть Василия. Не любила она его сильно, и эта нелюбовь у них была взаимной.

Она ругалась с ним, потому что он гонял дворовых кошек, он называл её ведьмой и грозился утопить.

— Не слышала и слышать не хочу. Сгинул, туда ему и дорога. — если бы не её любимые, нежно оберегаемые цветы, о которых она заботилась с ранней весны и до поздней осени, с удовольствием ещё и плюнула бы под ноги. Но пришлось ограничиться только раздражённым взмахом руки.

— Ну мы тогда пойдем, теть Агрипин. — уловив атмосферу и сообразив, что сболтнула лишнего, Настенька потянула Аду за собой. Не прошла и пары шагов, душераздирающе зевнула и предложила. — В кофейню зайдем? Мне надо взбодриться.

— Тебе по ночам спать надо.

— Уж кто бы говорил. — фыркнула Настенька.

Ада пожала плечами. Сил спорить у неё не было, потому что уснула она этой ночью и правда поздно: переволновалась из-за последнего экзамена, который казался ей самым сложным, и до глубокой ночи сидела вместе с Настенькой на кухне, пила чай и смотрела какой-то фильм по старому телевизору.

Район, в котором они жили, утопал в зелени и был похож на осколок прошлого, намертво засевший в быстро изменяющемся, стремительном и переменчивом городе. Стоило только переступить незримую черту, и умиротворяющее щебетание птиц сменялось шумом людных улиц: гул машин, монотонное шуршание голосов, крики, смех, прорезающий воздух звон трамваев.

Ада и Настенька перебежали через дорогу и нырнули в прохладу метро.

Университет от съёмной квартиры находился всего в получасе езды, в пяти станциях метро и ещё нескольких минутах ходьбы по тенистым аллеям. Четырёхэтажное здание из красного кирпича с колоннами, арочными окнами и кариа-

тидами у главного входа находилось в самом сердце парка.

Впервые приехав в город, собранный из старинных зданий, бережно отреставрированных домов и гармонично внедрённых новостроек, Ада подумала, что попала в сказку.

Тогда она ещё не представляла, как близка к правде.

И запамятовала, что сказки бывают злыми.

29 дней до Иван Купалы

Голос у Настеньки был сильный и звонкий, зато слуха не было вовсе, поэтому подпевала она громко, отчаянно не попадая в ноты. Из квартиры снизу ей вторил Тимошка, и Ада вынуждена была признать, что у него получалось намного лучше.

Первое время она еще переживала, что вокальные выступления этого невероятного дуэта могут мешать соседям, но после узнала, что стены в доме были основательные и хорошо хранили секреты хозяев. Даже если бы прямо сейчас на кухне их соседка — женщина во всех смыслах выдающаяся, живьем перемалывала своего тщедушного муженька в мясорубке, никто ничего не услышал бы. Звуки разносились только по стояку в ванной, чем и пользовались непризнанные звезды эстрады.

Настенька красила волосы, а пес, услышав ее незабываемые подвывания, решил присоединиться.

В отличие от Ады, родители которой каждое лето предпочитали проводить на даче, поклоняясь шести соткам земли, что достались им от бабушки, семья Настеньки выбирала для отдыха морские побережья.

Это лето исключением не стало. Настенька закрыла сессию неделю назад, а уже следующим вечером должна была

лететь на отдых.

В квартире Ада оставалась одна. Получив возможность не выпалывать сорняки и таскать воду из колодца всё лето, она ею воспользовалась и домой решила не ехать. В каком-то смысле, Ада была в таком же предвкушении незабываемого отдыха, как и ее соседка.

Возиться в огороде она никогда не любила, но родители, прирожденные дачники, не могли этого принять и каждое лето возили дочь за город на долгие три месяца. Так было до одиннадцатого класса. А когда школа кончилась, Ада вместо дачных забот готовилась к поступлению в университет.

Это было ее первое лето без общества клещей и слизней, и оно ей понравилось. И сейчас, вместо того, чтобы покупать билет на поезд и паковать вещи, Ада сидела на кровати в своей комнате и пыталась читать, игнорируя душераздирающее пение.

Гирлянда, которую она растянула по комнате для уюта, мигала огоньками, отражаясь в лакированном покрытии трехстворчатого шкафа с зеркальной дверцей и окрашивала теплым светом обои в мелкий цветочек.

Настенька взяла особенно высокую ноту. Ада вздохнула и перелистнула страницу книги.

Свет мигнул и пропал, всё погрузилось в густую темноту, и стало тихо.

Пропало электричество, а вместе с ним и интернет. Потрясенная Настенька резко оборвала выступление. Только

шумела вода, и Тимошка продолжал подвывать, не уловив перемену настроения.

Ада нашарила телефон рядом с собой на покрывале и с помощью его нашла в тумбочке настоящий большой туристический фонарик, способный осветить целую комнату. И пошла на звуки прочувствованных, душевных ругательств.

Настенька отключила воду и теперь стояла над ванной, в холодном свете фонаря больше всего напоминавшей место кровавого преступления. На крышке унитаза стоял раскрытый ноутбук и безуспешно пытался подключиться к сети.

— Спасибо, — буркнула она и продолжила смывать краску с волос.

Свет в доме отключали часто. По словам жильцов, если хотя бы раз в месяц у них не пропадало электричество на пару часов, значит, это не их дом. Оставив фонарь в ванной, Ада направилась на кухню, чтобы проверить, есть ли свет в других домах. За время, что они снимали квартиру, электричество вырубалось уже раз десять, и всегда не везло только их пятиэтажке.

На этот раз погасли даже фонари. И все окна в доме напротив так же были темны. Все, кроме одного.

Ада вернулась в свою комнату, из которой была видна относительно новенькая девятиэтажка, но и ее поглотила темнота.

Свет горел только в том самом, злосчастном окне, укрытом плотными шторами.

Пока Ада, вернувшись на кухню, гипнотизировала его взглядом, Настенька наспех смыла краску и, закрутив волосы в полотенце, вышла из ванной, держа в руках фонарь. Влекомая любопытством, подошла ближе.

— Чего там?

— Света нигде нет, — отозвалась Ада.

Настенька выглянула через ее плечо, оценила непривычную непроглядность улицы внизу и заметила огонек в соседнем окне. На него просто невозможно было не обратить внимание.

— Это то самое?..

— Ага.

— Тебе же интересно, кто там живет, так? — спросила Настенька тем самым тоном, которым она часто озвучивала «плохие идеи». Этот раз не стал исключением. Поправив полотенце на голове, Настенька предложила: — Пойдем проверим.

— Чего? Погоди! — всполошилась Ада.

Но Настенька не ждала, она уже спешила в узкий коридор, заменявший прихожую, сдернула с вешалки толстовку и, бросив фонарь на обувницу, накинула ее поверх влажной и в некоторых местах порозовевшей от краски майки.

— Чего ждать? Тебе интересно, что там происходит, а мне нужно высушить голову. Там у них, наверное, свой генератор или что-то в этом роде. Вдруг они разрешат мне воспользоваться их ванной?

— Ты свихнулась? Мы же не знаем, кто там живет. А что, если это какие-то маньяки или наркоманы?

— Или майнеры. — отмахнулась Настенька. — Просто поставь службу спасения на быстрый набор… Или надо полицию?

Долго об этом она не думала, засунула ноги в кроссовки и распахнула входную дверь. Ада поёжилась. Тёмное нутро лестничной площадки без света выглядело зловеще.

— Ну чего встала? Электричество уже только утром дадут… Это если повезёт, ты же сама знаешь, как тут всё работает, а у меня завтра уже не будет времени, чтобы разбираться с этим, — она указала на голову. И пригрозила: — Если ты не хочешь, я пойду одна. Всё разузнаю и ничего тебе не расскажу, поняла?

— Это же опасно.

— Как знаешь. — Настенька нырнула в подъезд и быстро скрылась в темноте. Через несколько мгновений она едва не свалилась с лестницы и громко выругалась.

— Подожди! Настя! — Ада бросилась за ней, запуталась в кроссовках, едва не растянулась на пороге и вывалилась в темноту, одной рукой сдернув с вешалки джинсовку, а другой зацепив связку ключей.

— Скажем, что с друзьями поспорили. — решила Ада. — Так будет шанс, что нас не тронут.

— Если так боишься, то зачем тогда идешь? — фыркнула Настенька.

Ада не ответила. Ей было стыдно признаваться, что вело ее исключительно любопытство. Будь она чуть безрассудней, уже давно сама бы потревожила жильцов таинственной квартиры.

Медленно, пару раз оступившись, подсвечивая путь фонариком на телефоне, они всё же спустились и вышли на улицу, под мрачное предгрозовое небо. Звёзд видно не было, только большая и низкая луна выглядывала из-за рваных туч. Влажный, пронизывающий ветер пробирался под джинсовку.

Настенька тихо ругалась под нос, стараясь натянуть толстовку как можно ниже на голые ноги. Ада, предпочитавшая майкам и коротким домашним шортам мягкие пижамы с рубашками и длинными штанами, только покачала головой.

В скудном освещении они пересекли дорогу и беспрепятственно проникли в подъезд. Теплая, влажная темнота пахла жареной картошкой, и это странным образом успокаивало.

Осторожно и медленно поднявшись на пятый этаж, Настенька некоторое время пыталась понять, какая дверь им нужна, пока Ада не указала на старую, деревянную и немного покосившуюся, с залитым краской дверным глазком.

Настенька вдавила звонок, но в темноте всё ещё было слышно только их дыхание.

Идея казалась Аде всё более глупой, и она уже хотела сообщить об этом, но Настенька забарабанила в дверь кулаком. Они обе вздрогнули, когда та поддалась, приоткрылась с лёгким скрипом, выпуская на тёмную лестничную площад-

ку немного дрожащего, тёплого света.

— Ну надо же, — фыркнула Настенька и уже собиралась толкнуть дверь.

— Погоди. — Ада удержала её за локоть. — Ты же любишь всякие ужастики. Тебе вот это всё ничего не напоминает? Что, если там сейчас какой-нибудь маньяк с бензопилой притаился?

— Ага, только и ждёт, когда кто-нибудь заберется на пятый этаж этой развалюхи, чтобы заглянуть к нему в гости, — ехидно поддакнула Настенька и толкнула дверь. — Хозяева!

Никто ей не ответил, только огонёк, светивший из глубины квартиры, дрогнул. То ли призывно, то ли предостерегающе.

И тогда она переступила порог.

— Настя! — срывающимся от злости голосом позвала Ада. Руку её Настенька небрежно сбросила и отмахнулась от попытки вытянуть обратно на лестничную площадку. Позвала хозяев ещё раз.

Ада крепко сжала телефон в ладонях, всерьёз рассматривая вариант просто уйти и бросить безмозглую подругу. В обычной жизни они хорошо ладили, но порой наступали моменты, когда Ада не понимала, как им вообще удалось подружиться, уж слишком разными они были.

Самоубийственное желание найти себе проблему посерьёзнее Аду никогда не посещало, в отличие от Настеньки, которая уже скрылась в глубине квартиры.

Тишина неуютная и пугающая длилась вечность.

Ада топталась на пороге квартиры, не рискуя войти внутрь, но и не предпринимая попыток уйти. Она настороженно прислушивалась, готовая в любой момент позвонить в полицию, если Настенька вдруг закричит.

Но та не кричала. Где-то через минуту послышался ее удивленный голос, а после низкий, мужской ответил ей что-то неразборчивое. Ада насторожилась и разблокировала экран телефона, палец замер над кнопкой вызова…

— Ада? Где ты застряла? Иди скорее сюда, мне нужна помощь. И на кухню загляни, возьми нож. Дверь будет слева от тебя.

— Что там? — напряженно спросила она.

— Сюда иди, сама всё увидишь.

Сомневалась Ада недолго. Голос Настеньки не был испуганным, и если бы ее заставили заманить подругу в квартиру, вряд ли разрешили упомянуть кухню и нож…

С замиранием сердца она переступила порог. И ничего не произошло. Крадучись, чувствуя себя настоящей преступницей, Ада и правда первым делом заглянула на кухню.

Это была грязная и маленькая комната, с потеками чего-то съедобного на старой столешнице, с сорванным со стены шкафом и мусорным ведром, до отказа забитым коробками из доставки. Нож валялся на столе, липкий, со сколотым кончиком. Подавив приступ тошноты, Ада покрепче перехватила рукоять и пошла дальше.

Настенька обнаружилась в зале. Как и парень, привязанный к стулу.

А еще Ада, наконец, узнала, почему же в окне горел свет, даже когда везде вырубилось электричество…

Парень сидел на стуле с руками, привязанными к резкой спинке, а под его ногами был круг, от которого в шести направлениях расходились лучи из странных, угловатых и резких символов, выцарапанных прямо на старом паркете. Каждый луч заканчивался свечой. Крохотный язычок пламени ослеплял.

Ада остановилась, подавила желание разреветься и уйти, и спросила:

— Какого черта здесь творится?

— Его похитили. — быстро ответила Настенька, воюя с узлами. — Мы должны его спасти. Нож достала?

Парень молча смотрел, и от его взгляда по спине Ады побежали холодные мурашки. В этом ослепительном и странном месте его глаза, казалось, светились. Две холодные, внимательные льдинки на непроницаемом лице.

Его черная рубашка и брюки были пыльными и изрядно помятыми, а ботинок и носков не было вовсе, но при всем своем потрепанном виде жалким он не выглядел. Скорее жутким.

— Давай выберемся отсюда и позвоним в полицию. Пусть они сами его спасают… Если надо. — Нервно передернув плечами, сказала Ада и спрятала нож за спину.

— Ты предлагаешь бросить человека в беде?

— Откуда тебе знать, что он жертва? Может, он бандит, и ты лезешь в какие-нибудь бандитские разборки? Или… не знаю, в дела сектантов каких-нибудь, — она внимательнее присмотрелась к символам на полу.

— Боевиков пересмотрела? — начала раздражаться Настенька. — Он не плохой. Правда же? — она похлопала парня по плечу.

Аде хотелось кричать от злости и беспомощности. Или плюнуть на всё и уйти, оставив ее самостоятельно разбираться с последствиями своей беспечности.

— Когда ты его освободишь и он перережет тебе горло…

— Да замолчи ты! — вспылила Настенька. — Не хочешь помогать, так вали. Я сама справлюсь.

— Нам всем стоит поторопиться. — наконец заговорил незнакомец. — Они скоро вернутся.

Услышав его голос, Настенька от восторга прикусила губу. Парень определенно был полностью в ее вкусе, что делало тщетными все попытки Ады достучаться до здравомыслия подруги.

«Помогу», в отчаянии решила она, «а потом попрошу ее съехать и найду себе новую соседку».

Определившись с дальнейшими действиями, Ада намного успокоилась и пошла по комнате, залитой неестественной белизной, к подозрительному парню. Что-то во всем происходящем было очень и очень странным. Не символы

или неестественно ярко горящие свечи, и даже не парень, фотографию которого можно было бы использовать в качестве иллюстрации к термину «Подозрительный» или «Опасный»…

Ада переступила незримую черту, соединяющую между собой свечи, и сделать следующий шаг не смогла. Из легких выбило воздух, в глазах потемнело, и она рухнула на пол.

Сознание покинуло ее всего на мгновение. Всполошившаяся Настенька еще не успела добраться до нее, как Ада перевернулась на бок и закашлялась.

— Эй, ты чего? — Перед глазами замаячило перепуганное лицо.

— Не… не знаю, — хрипло отозвалась Ада и вздрогнула от низкого, восторженного смеха.

Смеялся парень, пугающе глядя прямо на нее.

— Ну надо же, какая удача. — Он заметно повеселел и дернул рукой, легко, без посторонней помощи освобождаясь от веревок. Те просто лопнули и опали на пол.

Свеча, стоявшая ближе всего к Аде, потухла, и только тогда она поняла, что именно казалось ей неправильным: пока горели все шесть свечей, в комнате не было ни единой тени, ослепительный свет беспощадно их выжигал.

Настенька побелела и попыталась отползти подальше от поднявшегося парня. Больше он ее не привлекал, она увидела то, что с самого начала заметила Ада — исходящую от него нечеловеческую, дикую жуть.

Далеко Настенька не уползла. Тонкая, быстро распадающаяся и вновь собирающаяся в тугой жгут, тень обхватила ее ногу и дернула обратно в круг.

— Куда же ты? Передумала меня спасать? — ласково спросил жутковатый парень. Настенька заплакала от страха, полотенце соскользнуло с волос, и влажные розовые пряди разметались по грязному полу. Реакция его повеселила, он подтащил девушку в центр круга и обратился к медленно приходившей в себя Аде: — Поторопись и затуши оставшиеся свечи.

— Сам… туши, — едва слышно прошептала она.

— Что? — не расслышал он.

— Сам тушиии, — протянула Ада, медленно садясь. Головой она не ударилась, но чувствовала себя так, будто заработала сотрясение. Перед глазами все плыло, а в воздухе отчетливо сияла тонкая стена, отделявшая пространство в кругу от остальной комнаты. И там, где потухла свеча, зияла небольшая брешь.

Незнакомец не обиделся. Хмыкнул снисходительно и присел перед ней на корточки.

— Ты это видишь, верно? Соприкосновение с навьей силой пробудило спящий потенциал. — Он улыбнулся, продемонстрировав нечеловеческие клыки. — Такая редкость… Хотя для тебя это большая трагедия. И я настоятельно рекомендую тебе затушить все свечи, пока они не вернулись.

— Да кто они? — Раздражённо спросила Ада.

— Темные колдуны. Хотя они предпочитают звать себя волхвами.

Ада нервно хохотнула и посмотрела на едва живую от страха Настеньку. Восторга в ее глазах при взгляде на парня больше не было, только ужас.

— Говорила же, сектанты.

— Ты бы поторопилась. — Повторил он. — Мне бояться нечего, а вот тебя они в оборот возьмут. Пробужденная человеческая кровь дорогого стоит. Особенно незадолго до Купальской ночи.

Ада медленно выползла из круга и поднялась. Сделала шаг влево, желая обойти парня и попытаться вытащить оцепеневшую подругу. Настенька сейчас не вызывала у нее никакой жалости, только злость и желание отходить ее по щекам. Сначала ее, а потом и себя. Если бы осталась стоять на пороге, может, удалось бы избежать всего этого. Пока она не переступила круг, парень вел себя тихо… И сама Ада ничего странного не видела.

По какой-то причине, несмотря на бредовость происходящего, но сияющая тонкая и почти прозрачная стена казалась настоящей и внушала некоторую уверенность.

Парень со снисходительной улыбкой следил за ее неуклюжими передвижениями, засунув руки в карманы брюк. Позволил пройти к противоположной стороне круга, переступить черту и медленно, не спуская с него взгляда, потянуться к Настаньке, сидевшей в самом центре, рядом с опроки-

нутым стулом, обхватив себя за плечи.

И все с той же улыбкой, полностью завладев вниманием Ады, смотревшей только на него и слепо тянувшейся к подруге, выдернул девушку прямо у нее из рук.

Настенька взвизгнула и проехала по паркету к его ногам.

Ада вздрогнула и отпрянула за границу круга.

— Ты поняла, что я не могу переступить эту черту? Или понадеялась на удачу? — спросил он, но ответа не получил. Пожал плечами и опустил взгляд на дрожавшую Настеньку. — Впрочем, не важно. Ты, конечно, вне пределов моей досягаемости, зато с ней я могу делать всё, что захочу.

Ада продолжала молчать, исподлобья глядя на него. Ее телефон, отлетевший во время падения, сейчас лежал недалеко от двери, бессмысленно светя фонариком в ослепительно-белый воздух.

Все еще оставался вариант позвонить в полицию и оставить их разбираться с этой чертовщиной.

Настенька заплакала громче, когда тонкие щупальца теней дернули ее вверх, вынуждая подняться.

— Что ты задумал? — Настороженно спросила Ада.

— Сейчас увидишь. Обещаю делать всё медленно, чтобы ты успела ее спасти. — Он заставил Настеньку повернуться к нему лицом.

Парень возвышался над ней на добрую голову и смотрел со зловещей улыбкой, но обращался исключительно к Аде.

— Наверное, стоит представиться, я пришел на эти зем-

ли вместе с тюркскими племенами. Они прозвали меня Куруш*. Знаешь, почему? Любого неосторожного путника, уходившего слишком далеко от костра, я выпивал, оставляя лишь иссушенный труп. Сейчас я не могу раствориться в темноте, поэтому способ питания придется несколько изменить…

Куруш от турецкого kuru в значении «высушенный». На самом деле такого персонажа в славянском фольклоре нет, я его придумала. Но вы ему не говорите, а то расстроится.

Он говорил, и его левое плечо медленно вытягивалось в сторону. Затрещала рубашка. Тело разошлось от плеча до пояса, обнажив что-то черное, клубящееся и живое. Склоненная набок голова продолжала улыбаться.

Настенька завизжала и лишилась чувств, обмякла и безвольно повисла на теневых щупальцах.

Ада тоже хотела бы закричать и упасть в обморок, но могла только хрипеть и не моргая смотреть, как становится реальным какой-то безумный ночной кошмар. Хотя происходящее уже давно перестало ощущаться как что-то реальное. Как только Ада переступила порог этой квартиры. Или даже раньше, когда вырубилось электричество…

— Ну, приятного мне аппетита.

— Стой! — выкрикнула Ада и не узнала в этом ломком и тонком подобии голоса свой.

— Затуши свечи. — жестко велел Куруш. — И тогда я ее отпущу.

— Ка… какие гарантии? — Ада потерла костяшками пальцев грудную клетку, где больно, сильно и быстро билось перепуганное сердце. — Как я могу быть уверена, что ты не съешь нас обеих после того, как получишь свободу?

— Какая умненькая, — умилился он, — мы с тобой определенно поладим.

Ада передернула плечами, твердо решив, что как только выберется из этой квартиры, сделает всё, чтобы никогда больше не оказаться даже рядом с этим типом. Не говоря уже о том, чтобы с ним поладить.

— Клянусь своей сутью, — торжественно произнес Куруш, и его темная, дымная плоть начала срастаться, — если выпустишь меня из круга, ты и твоя подруга вернетесь домой в целости и сохранности.

Воздух загудел от разлившейся по комнате силы и ощущался как легкое покалывание. Ада почесала щеку. Посмотрела на все еще безвольно висевшую Настеньку и парня, в прорехе рубашки которого виднелась обычная вполне человеческая кожа.

Это было лучше, чем ничего, а просить большего, судя по предостерегающему взгляду голубых глаз, не стоило. Ада подошла к ближайшей свече и склонилась, чтобы ее задуть, но та погасла сама.

— Ты очень жадная, — с довольным видом сообщил он,

— поглощаешь навью силу быстрее, чем голодный упырь девичью кровь после столетнего воздержания.

— Дурацкое сравнение, — пробормотала Ада и перешла к следующей свече.

Куруш сделал вид, что не расслышал, продолжая улыбаться. Предчувствие скорой свободы сделало его намного доброжелательнее.

— Со временем ты начнешь поглощать силу и из яви. Не пугайся, если появится желание уйти в Лес, это нормально. Главное, не забывайся, иначе какая-нибудь из тропок навсегда уведет тебя от людей. Лес почему-то любит таких, как ты.

Голоса в коридоре послышались, когда осталось всего две горящие свечи, а теней в комнате стало куда больше, чем света. Парень не стал ее торопить. Он еще не мог покинуть круг, но все тени в комнате теперь подчинялись ему. И трое парней тут же угодили в ловушку, стоило им только показаться на пороге. Забились, будто мухи в паутине. Один, коренастый и плотно сбитый, выругался. За их спинами раздался женский вскрик.

— О тебе я тоже не забыл, Василина. — ласково сообщил он.

Ада проявила осторожность и прикрыла входную дверь, когда отправилась помогать Настеньке, поэтому неладное колдуны почуяли, когда было уже слишком поздно. В какой-то степени она чувствовала свою вину и не огрызалась, пока ее поносили обидными, но порой и забавными, непри-

вычными для современной двушки, словами. Оправдываться не пыталась.

— Зачем же вы говорите такие вещи о моей спасительнице?

Поток сквернословия оборвался, вместо этого послышалось:

— Ты же понимаешь, Кир*, мы против тебя ничего не имеем. Ты бы на нашем месте сделал то же самое.

Персидская версия имени Кир — вариант имени Куруш, которое переводится как «подобный солнцу», что довольно иронично, если учесть, что наш типчик от солнца максимально далек.

Курушу все равно нужно обычное человеческое имя, вот я и решила, почему бы с этим не поиграть? Вот до чего доигралась.

— Зачем мне представлять себя на вашем месте? — поморщился он. — Быть слабым даже чисто гипотетически — отвратительно.

Ада остановилась перед предпоследней свечой, не зная, что ей делать.

— Но они тебя поймали.

Куруш оскорбленно фыркнул.

— Это был подлый трюк. Они использовали световую гранату и заговоренную сеть. И это сразу после Комоедицы, ко-

гда я был не в форме, — он осекся, поймав совершенно непонимающий взгляд Ады, поморщился, но снизошел до пояснения. — Вот же темное племя, Масленица по-вашему. Такой праздник загубили, эх… Велес, конечно, зверь во всех смыслах неприятный, но какие гулянья в его честь были… Пока он не ослаб от вашего, человечьего неверия. — Куруш помрачнел, стремительно теряя хорошее настроение. И уже не так доброжелательно поторопил. — Свечи, Ада. Чем сильнее ты медлишь, тем голоднее я становлюсь.

— Подожди! — выкрикнул один из колдунов. — Выпустишь его, и мы все распрощаемся с жизнью.

— Ты ее не пугай, она не пострадает, я слово дал. За свою шкуру переживай, темноколдунья твоя душонка.

— Мы не колдуны. И уж точно не темные. Волхвы мы. — возмутился коренастый, чем развеселил Куруша.

— Вы поэтому из Нави силу тянете вместо того, чтобы попросить у Леса?

— А сам-то, — раздался злой женский голос из темноты, — нелюдь проклятущий.

На нее тут же зашикали ее товарищи, еще питавшие надежды выбраться из этой передряги живыми и по возможности невредимыми.

— Эй, девочка, — позвал коренастый. Ада предположила, что он у них там главный, — ты же ведьма, так? Подумай вот о чем, сейчас он тебя не тронет в любом случае, ему силенок не хватит.

— Но поймать вас ему сил хватило, — заметила она, хотя и понимала, что в этом была исключительно ее вина.

— Есть такое, — легко согласился он, — но если бы мог, уже бы нас всех выпил, чтобы восстановиться. А он что? С тобой договориться пытается, понимает, что без твоей помощи так тут и останется, пока вся сила из него не выйдет.

— А что потом? — спросила Ада.

Колдуны замешкались и замолчали. Ответил за них Куруш.

— Когда я достаточно ослабну, они меня освежуют и разберут на ингредиенты. Сильнее прочего им мои глаза нужны, по их смешным поверьям глаза мертвого нелюдя могут видеть сокрытое.

— Ты не знаешь, сколько жизней он загубил. — после недолгого молчания вновь заговорил коренастый. — Кир не жертва и жалеть его не нужно.

— Я честный предприниматель. — обиделся Куруш. — За последние тридцать лет ни одного человека не убил, а порой, уж поверьте, сдержаться было трудно.

Коренастый его не слушал, он давил на Аду:

— Мы против ведьм ничего не имеем, вражды между нами нет. А ты, как вижу, уже неплохо наловчилась навью силу развеивать. Вот и помоги нам… Сними путы, а уж мы круг восстановим.

— А Настя? — Ада посмотрела на девушку, все так же висевшую безвольной куклой над полом.

— Добычу из его лап уже не вырвать, но мы проведем обряд и успокоим ее дух.

Если бы не Настенька, Ада без раздумий выбрала бы колдунов. И не только потому, что они казались более человечными, чем запертый в круге Куруш, но еще и потому, что они ошибочно приняли ее за ведьму. Это звучало куда безопаснее всего того, что она услышала до появления колдунов. Но Настенька… Ада злилась на нее и жалела о том, что вообще когда-то познакомилась с ней, и все же не могла оставить в опасности, имея возможность спасти.

— Эта добыча еще свою долю за аренду не скинула, — проворчала Ада и подошла ближе к свече. Та потухла.

Настенька была ее подругой, пусть и не самой хорошей, а этих людей она видела впервые, выбор был очевиден.

Колдуны пришли в ужас, но всякие попытки переубедить ее оборвали туманные кляпы.

Куруш посмеивался.

Последняя свеча потухла, и сразу же в комнате загорелся тусклый верхний свет. Из центра потолка на проводе свисала старая лампа, жужжа и устало помигивая. На выключателе отвратительной дрожащей массой медленно рассеивался сгусток теней, обнажая пожелтевший пластик.

Куруш повел плечом, и колдунов вместе с молоденькой еще девушкой в модной безразмерной толстовке втянуло в комнату и туже оплело тенями.

— Позже с вами побеседуем. — многообещающе пообе-

щал он, подхватил Настеньку на руки и, помедлив немного у границы круга, затаив дыхание, переступил черту. Облегченно выдохнул. — Ну что, веди. Доставлю вас обеих домой в целости и сохранности, как обещал.

— Да мы и сами… — попыталась отказаться Ада, не желая показывать такому опасному существу, где они живут.

— Если мне понадобится, я легко тебя отыщу. — снисходительно сообщил он. — И поверь, ты бы хотела, чтобы твой огонек видел только я.

Ада несколько мгновений хмуро исподлобья смотрела на него, пока Куруш ее не поторопил.

— Я обещал, что вы вернетесь домой целыми. Таково мое слово, и я должен его сдержать. Показывай дорогу.

— Что за огонек?

Куруш неопределенно пожал плечами, и голова Настеньки качнулась вместе с ним. Ада невольно задержала дыхание, представив, какая неразбериха начнется, если она вдруг прямо сейчас придет в себя. Но она продолжала спасаться в беспамятстве от творившегося вокруг безумия.

— Откуда мне знать? Меня никогда не интересовали меченые люди. Это просто… огонек. Если поднапрячься, его можно увидеть, он едва теплится сейчас в твоей груди, но со временем наберет силу. И, предвосхищая твой вопрос, нет, сейчас его невозможно спрятать, тебе не хватит ни сил, ни умения. У тебя на спине мишень, так что скрывать от меня место, где ты живешь — бессмысленно. Веди.

Подавленная Ада побрела прочь из квартиры под нестройное мычание связанных колдунов.

— А с ними что будет?

Куруш даже не обернулся, чтобы взглянуть на своих пленников, и обогнал замешкавшуюся девушку.

— Что будет? Позаимствую немного жизненной силы и отпущу. Я действительно не убивал людей уже тридцать лет и не собираюсь губить свои достижения из-за парочки тупиц.

В гнетущей тишине они спустились по лестнице. Ада подсвечивала фонариком путь и осторожно шла впереди, ощущая, как волосы на затылке шевелятся от зловещего присутствия за спиной Куруша.

На улице начался мелкий, холодный дождь, луну полностью скрыли тучи. Ощущение нереальности происходящего стало почти невыносимым.

Они перешли дорогу, поднялись на пятый этаж, где Ада недолго возилась с ключами. В узком коридоре маленькой квартиры Куруш казался чужеродным и лишним.

— Где ее положить?

Ада провела его в комнату Настеньки, проследила, чтобы он уложил ее на кровать, и отошла в сторону, надеясь, что Куруш покинет квартиру мирно и, желательно, немедленно. Фонарик на телефоне нервно подрагивал, высвечивая части обстановки небольшой комнаты с плакатами, так плотно наклеенными на стены, что под ними вовсе не было видно обоев.

В этот момент перенервничавшей Аде, находившейся на грани нервного срыва, казалось, что вокруг слишком много глаз, которые следили за каждым ее жестом. Куруш вышел в коридор раньше, чем ей привиделось что-нибудь совсем уж безумное. Он сам направился к входной двери, но остановился на пороге.

— Дай-ка руку, — велел сухо, критически рассматривая обессиленную из-за пережитого Аду.

— Зачем? — она на всякий случай крепко переплела пальцы за спиной и отступила на шаг.

— Дай, потом спасибо скажешь. Говорю же, в тебе огонек разгорелся, его всякая нечисть увидит, и уж поверь, многие захотят отнять. А ты просто человек, отпор дать не сможешь.

— А ты помощь предлагаешь? — с сомнением спросила Ада.

— Не безвозмездно, разумеется, но о цене потом сговоримся. Руку дай.

Она все же протянула ему влажную и холодную ладонь, о чем почти сразу же пожалела. Запястье обожгло болью. Ада вскрикнула и попыталась вырваться, но Куруш держал крепко.

— Не дури, девка, — сквозь зубы велел он, осторожно выводя черным когтем на нежной коже линии, быстро набухавшие теплой кровью. Закончил, подул на ранки, и свежие царапинки запеклись темной кровью. Некоторое время он придирчиво рассматривал резкие, угловатые линии на блед-

ной коже и остался доволен. — Хорошо получилось. Значит так, слушай внимательно: если попадешь в беду, начертишь это своей кровью, и я приду, поняла?

Ада кивнула и только после этого получила свободу и возможность рассмотреть отметины на руке.

— Это что?

— Моя реза. Вы такие для богов своих делали, но никто же не запрещал и нам свои, личные резы придумать.

— И ты придумал?

— А то. — На царапины он смотрел с гордостью. — Почти десять лет до ума доводил.

Ада хотела спросить, сколько же ему на самом деле лет, но он засобирался и быстро растворился в темноте. Распахнул входную дверь, перешагнул порог и исчез.

Ада закрыла входную дверь на все замки и, спохватившись, бросилась на кухню, к окну, проверить… И длинно выдохнула, не понимая, что почувствовала, когда убедилась, что свет в соседнем окне больше не горел.

28 дней до Иван Купалы

Настенька проснулась рано утром с тяжелой головой и в плохом настроении, и громко звенела на кухне чайником, чем разбудила Аду, которая всю ночь металась в бредовых кошмарах и спала плохо. Трижды поднималась, чтобы выпить успокоительное, но оно так и не помогло.

Ей снилась комната со свечами, и Настенька, и колдуны, и Куруш, который всех их пожирал, а Ада стояла за пределами круга, наблюдала за этим, откуда-то зная, что в безопасности, пока горят свечи. Но свечи гасли одна за другой с безжалостной неторопливостью. И когда в круге остался только Куруш, погасла последняя свеча…

Ее разбудил грохот упавшей крышки от чайника. Ада резко проснулась с быстро бьющимся сердцем.

Вслед за грохотом послышалась ругань Настеньки и скрежет ножек стула по паркету. Сон развеялся и отпустил Аду, возвращая ее в реальность. Она растерла лицо ладонями, заметила краем глаза нацарапанную на коже резу и передернула плечами. Это все был не простой кошмар, ночью с ней действительно случилось что-то ужасное и необратимое.

Настенька ударилась затылком о край кухонного стола, пока вытаскивала крышку чайника, и громко выругалась.

Пришлось откладывать на потом свои переживания, сползать с кровати и идти на кухню. Ада не знала, что скажет

и как объяснит произошедшее Настеньке, даже подумывала начать с обвинений, но оказавшись на кухне, обо всем забыла.

С раздражением засунув чайник под сильную струю воды, Настенька облилась и еще раз выругалась. Заметила какое-то движение сбоку и повернулась к Аде. Смерила ее оценивающим взглядом.

— Тоже ночью кошмары снились? — криво улыбнулась она.

— А… ага.

— Мне такой бред впервые привиделся. Даже в детстве, когда папка по приколу меня водкой напоил и я чуть не сдохла, таких глюков не было.

Ада кивнула и обессиленно опустилась на стул. Сейчас она Настеньке даже завидовала, ей тоже хотелось бы считать, что все ночные ужасы были просто сном. Диким кошмаром. Но царапины на руке…

«А может я сама?», с надеждой подумала Ада. «Во сне сама себе их нацарапала. Ночь дурная была. Магнитные бури, весеннее обострение… да что угодно. Может у меня просто крыша поехала после закрытия сессии.»

Даже перспектива оказаться психически больной пугала ее меньше, чем возможность того, что все случилось на самом деле и какой-то монстр знал, где она живет.

— Я не помню, как вырубилась, знаешь, когда свет вернули?

Ада отрицательно покачала головой. Настенька еще что-то говорила, жаловалась на «ленивых коммунальщиков» и боялась ничего не успеть до вылета. Простая и понятная суета, и успокаивающее ворчание подруги действовали благотворно на истерзанные нервы Ады. Она успокоилась и убедила себя, что ничего ночью не произошло. Ее просто донимали слишком реалистичные кошмары.

«Кошмары», повторила она про себя и натянула пониже рукав пижамной рубашки, чтобы скрыть царапины.

***

Период славного заблуждения продлился удручающе недолго. Весь день прошел в хлопотах, но Настенька успела завершить все дела и в аэропорт выехала вовремя. Ада отправилась ее проводить.

Домой она возвращалась поздним вечером, строя планы на будущее. Несмотря на то, что она уже решила, что ночью ей приснился плохой сон, желание съехать из квартиры преследовало ее весь день. Сопротивляться ему было невозможно, и Ада сдалась.

Она уже решила заказать билеты в дачный поселок к родителям, а откуда подать заявку на комнату в общежитии на следующий год.

— Проводила Настасью? — Агрипина Всеволодовна сидела у подъезда в теплой, шерстяной кофте и пила горячий чай, любуясь клумбой, о которой заботилась целыми днями. Холодный, влажный ветер и надвигающиеся тучи ее ни-

сколько не беспокоили и не мешали отдыхать.

— Ага.

Все время, что они ждали такси, Настенька прощалась с Агрипиной Всеволодовной и клятвенно обещала привезти с моря какой-нибудь гостинец. Женщина охотно соглашалась, но посматривала при этом на Аду, и взгляд у нее тогда был престранный. Поэтому сейчас общение с ней давалось особенно непросто.

— Не страшно одной оставаться? — участливо спросила женщина.

— Родители много работали, так что одна дома я оставалась часто, привыкла. — призналась Ада, вымученно улыбаясь.

Это Настенька каким-то образом сдружилась с Агрипиной Всеволодовной и могла болтать с ней о чем угодно. Ада же в присутствии женщины всегда чувствовала себя неуютно и старалась как можно быстрее уйти.

Раньше с этим не возникало проблем, но на этот раз улизнуть не удалось.

— Пойдем, напою тебя чаем, — сказала Агрепина Всеволодовна, поднимаясь со скамьи. — Днем напекла пирожков с яблоками, удались страсть какими вкусными.

Желание отказаться оказалось слабее голода и печального понимания, что дома еды нет. А пирожки с яблоками Ада любила еще с детства, когда их готовила бабушка.

Она согласилась, поднялась на третий этаж и переступила

порог маленькой, но уютной квартиры, где пахло пирожками и стариной. Сбоку от двери стояла напольная вешалка, а рядом висело зеркало. Длинная трещина делила отражение любого, кто в него глядел, надвое.

Вытертая в ковровом покрытии дорожка вела на кухню мимо единственной комнаты. Двустворчатая дверь со вставками из матового стекла оказалась плотно закрыта.

— Проходи, проходи, — Агрепина Всеволодовна засеменила вперед, призывая следовать за ней.

Застучали потревоженные деревянные бусы межкомнатной занавески. Кухня оказалась тесной для двух человек.

Ада села за стол, приставленный в угол, и сложила руки на коленях, не зная, куда себя деть. Очень скоро прямо перед ней оказалось большое блюдо, заполненное пирожками.

Зашумел чайник.

Агрепина Всеволодовна расспрашивала о разном, и Ада отвечала. Вежливо, но без особой охоты, рассеянно рассматривая кухню — не из любопытства, просто чтобы не смотреть хозяйке в глаза.

На ручке кухонного шкафчика висел календарь с котиками на пружинах. На заставленной различной утварью столешнице почти не было места, но Агрепина Всеволодовна все равно сумела пристроить на краю две чашки и фарфоровый заварник с пышными розами на белых боках.

В пространстве между холодильником и стеной стоял холщевый мешок с картошкой, поверх него лежало несколько

луковиц и забытый пакетик кошачьего корма.

— Бледная ты больно, милая, — заботливо проговорила Агрепина Всеволодовна, — что же ты совсем о себе не заботишься?

Ада вымученно улыбнулась.

— Экзамены. Но сессию я закрыла и… — она на мгновение осеклась, приметив что-то в тени мешка с картошкой, и медленно проговорила, силясь разглядеть странную вещицу, — теперь уж отдохну.

Хозяйка покивала, позвякивая ложкой.

Наполовину спрятавшись под холодильник, лежало что-то согнутое и пятнистое. Ада склонилась, потянулась, чтобы подобрать, и вздрогнула, коснувшись чего-то холодного. Она вытащила упавший предмет и не вскрикнула лишь чудом. Не отбросила от себя холодный, иссушенный палец тоже исключительно благодаря выдержке.

Медленно вернула находку на место и брезгливо отерла ладонь о штаны.

Кому он принадлежал, Ада поняла благодаря выцветшей татуировке, смутно напоминавшей снежинку.

Найти Василия местному участковому было не суждено… По крайней мере, живым.

Агрепина Всеволодовна, не знавшая о находке Ады, закончила возиться с чаем, поставила на стол две чашки и ласково велела:

— Пей.

— Знаете, мне что-то не очень хорошо. Живот прихватило, я лучше…

— Это всё потому, что ты нормально не питаешься. Вот выпьешь чаю с пирожками, и тебе сразу полегчает. — Женщина настойчиво пододвинула чашку.

— Спасибо большое, но я правда лучше пойду. А чай выпью как-нибудь потом.

Ада начала медленно подниматься, уже представляя, что о ней подумает участковый, когда она ему позвонит, и какой начнется переполох, когда все же палец, а быть может и остальные части тела Василия, будут найдены в квартире безобидной на первый взгляд старушки.

— Сядь, Ада, и пей чай, — уже не так доброжелательно велела Агрепина Всеволодовна. — Это невежливо, вот так уходить.

Что-то в ее морщинистом и вытянутом лице изменилось. Седые волосы, собранные в пучок, приобрели зеленоватый оттенок, а карие глаза, наоборот, потемнели. Тонкогубый рот расширился, и в нем мелькнули заострившиеся зубы. Потянуло запахом болотной ряски.

— Как-то не очень это гостеприимно, — пробормотала Ада, заглянув в чашку. Над чаем вился пар, и в этом не было бы ничего необычного, не будь он зеленоватого оттенка. — А что это за чай?

— Специальный сбор. Избавляет от усталости.

— И от жизни? — нервно хихикнула Ада.

— Не хами мне, девочка. Я тебя по-соседски на чай пригласила, а ты так себя ведешь. Нехорошо-нехорошо. — В голосе ее появилось что-то неестественное, наводящее безотчетную жуть.

— Пожалуй, вы правы. Не буду вас больше расстраивать и пойду. Собеседница из меня сегодня никудышная…

— Зачем же ты всё так усложняешь, — с сожалением вздохнула Агрепина Всеволодовна.

Ада не заметила, как исказившееся, но еще вполне узнаваемое лицо полностью утратило человеческие черты и превратилось в зеленоватую, искаженную маску с глубоко запавшими глазами и черной пастью, усеянной острыми и тонкими зубами. В черноте глазниц светилось два маленьких огонька.

Одно движение бледной до зеленоватого оттенка, тонкой и непропорционально длинной руки, и на пол полетели чашки с чаем, блюдо с пирожками, сахарница и баночка с медом.

Звон и грохот заглушили булькающее шипение существа.

Крик застрял в горле, Ада могла только хрипеть от ужаса и спасать свою жизнь, трясясь от страха. Блюдо не успело долететь до пола и разбиться, она подхватила его почти чудом и бросила в лицо твари, притворявшейся безобидной пенсионеркой.

Этого мгновения хватило, чтобы Ада смогла проскользнуть мимо на ослабевших ногах и броситься к входной двери. Успела даже до нее добежать и только там поняла, что

просчиталась. Изнутри дверь запиралась на ключ. А ключа-то в замочной скважине и не было.

Ада пригнулась, почувствовав движение сзади. И на дереве, на уровне головы, появились длинные полосы, оставленные черными когтями. Булькнув истеричным смехом, в развороте Ада зацепила напольную вешалку, погребенную под всей верхней одеждой, какая только была в доме, и толкнула ее на тварь.

Воспользовавшись замешательством твари, бросилась обратно, но не на кухню, где нельзя было запереться, и не в комнату со стеклянными вставками в дверях.

Ада вбежала в ванную и закрыла задвижку раньше, чем с той стороны дернули дверную ручку.

— Тебе надо было просто выпить чай, Ада, — утробно провыло то, что притворялось Агрепиной Всеволодовной.

— Соседа вы так же чаем напоили, да? Пригласили по-соседски, а потом расчленили?

— Стала бы я травки на Ваську тратить. — возмутилась тварь. — Я его случайно тяпкой упокоила. Этот гад вздумал за Муркой гоняться. И кошку обидел, и саженцы еще совсем молоденькие истоптал. А потом на меня кричать начал. Пьяный был, дерзкий больно, я и не выдержала. Одного удара хватило. Он помер. Вот я его и забрала, столько мяса, не пропадать же добру.

Ада прикрыла рот ладонью, пережидая приступ тошноты.

— А меня за что? Я же вам ничего плохого не сделала. И

мне казалось, мы неплохо ладим.

Некоторое время по ту сторону царила тишина, тварь обдумывала вопрос и, наконец, ответила:

— Да всё просто, милая, теперь ты уже не совсем человек. Ты желаннейший деликатес для любой нечисти. Жить тебе осталось немного, так почему бы не отдать свою плоть мне? Выпьешь чай и мирно уснешь, а уж я позабочусь о твоем тельце.

Ада не спрашивала, что она имела в виду, уже знала ответ. Как бы сильно ей того не хотелось, но всё произошедшее прошлой ночью не было сном. И Куруш, и колдуны, и разгоревшаяся в ее груди от соприкосновения с навьей силой неведомая искорка… Всё было реальным.

— Открой дверь, Ада.

И предостережение тоже оказалось реальным. Дня не прошло, а ее уже собирались лишить жизни из-за огонька, природу которого она не понимала. Особенно обидно было от того, что Ада не чувствовала внутри себя никаких изменений.

Нащупав в кармане толстовки телефон, она достала его трясущимися руками, собираясь звонить в полицию. И замерла. То, что пыталось ее убить, не было Агрепиной Всеволодовной — безобидной соседкой, любившей возиться с цветами под окном. Это был какой-то монстр, и даже если полиция приедет и спасет, как она всё объяснит? Кто ей поверит?

— Послушай, девочка, тебя съедят, это уже решенный вопрос. Так не лучше ли, если это буду я? Мы же с тобой не чужие друг другу, уже, почитай, год соседствуем… Неужели тебе радостнее будет знать, что твои косточки обглодает какая-то незнакомая нечисть? Выйди, выпей чайку, скушай пирожок с яблоками и умри тихо, без боли. — По двери легко постучали когтями. — Не заставляй меня дверь ломать, пожалей старушку. Разве смогу я, на мою пенсию, ее заменить?

Ада зажала рот ладонью, с трудом сглотнув рвущийся наружу истерический смех. И не ответила.

Молча, с отчаянной решимостью, она включила фонарик и нервно, неловко дернула рукав толстовки, обнажив подживившие, но все еще хорошо различимые линии.

Куруш велел начертить их кровью…

В шкафчике над раковиной Ада нашла коробочку с лезвиями. Вытащила одно.

— Девочка? — позвала тварь, но не получила ответа.

Надрезая подушечку указательного пальца, боли она не почувствовала и медленно, сверяясь с оригиналом, вывела линии прямо на зеркале.

Ничего не произошло.

Ада длинно выдохнула и обессиленно опустилась на край чугунной ванны. Обвела лучом фонарика скромных размеров помещение и приметила железный таз со сколотой эмалью в некоторых местах.

Времени у нее оставалось совсем немного, тварь за дверью теряла терпение и дверную ручку дергала всё сильнее, уже почти перестав заботиться о сохранности своей собственности.

Выбраться из квартиры без ключа было невозможно, в отличие от существа, притворявшегося Агрепиной Всеволодовной, Ада не обладала нечеловеческой силой, и сорвать дверь с петель была не в состоянии. Но она могла попытаться, обороняясь тазом, добраться до окна и выпрыгнуть на улицу.

Третий этаж, лететь далеко и страшно, но под окнами кусты, а не асфальт, да и несколько возможных переломов — ничто по сравнению с перспективой стать чьим-то поздним ужином.

— С Болотницей ты как умудрилась связаться?

Шепот прямо над ухом едва не довел Аду до сердечного приступа. На собственном опыте узнав, как холодеет кровь от ужаса, она подалась вперед, намереваясь вырваться из темноты в тесный коридорчик, прямо в объятия твари. Но была усажена обратно на край ванной — теплые ладони надавили ей на плечи, удерживая на месте.

— Разве так встречают своего спасителя? — укоризненно спросила темнота. И только тогда Ада поняла, что голос ей знаком.

— Куруш?

— А ты кого-то другого ждала, использовав мою резу?

— с искренним любопытством поинтересовался он. Весело хмыкнул, когда она так и не нашлась с ответом. — Разумеется, я. И, должен признаться, ты меня удивила, протянула до ночи и все еще жива… Похвально.

Ада промолчала, продолжая светить на дверь перед собой фонариком телефона. Видеть Куруша ей совсем не хотелось, она даже головы не повернула, когда тот завозился, выбираясь из ванной. Не спросила, как он там оказался. Сейчас ее интересовало другое:

— Ты говорил, что поможешь, если я в беду попаду.

— Говорил.

— Какова плата?

Куруш рассмеялся. Тварь за дверью затихла, прислушиваясь к происходящему в ванной.

— Разве ты не должна умолять меня о спасении и обещать отдать взамен что угодно?

— Я что, дурочка? — удивилась Ада. Несмотря на ненормальную ситуацию, смертельную опасность и нечеловеческую суть ее собеседника, с его появлением страх немного отступил. — Что если мне проще будет самой в духовку забраться и там зажариться, чем потом с тобой расплатиться?

— Девочка, — обеспокоенно позвала тварь. — Кто там с тобой?

Ада искоса посмотрела на Куруша, сидевшего на ванне рядом с ней. Луч фонарика все еще упрямо смотрел в стену, но помещение было достаточно маленьким, чтобы темнота

вокруг из-за этого скромного источника света превратилась в полумрак.

Куруш задумчиво смотрел в потолок, и глаза его сияли двумя льдинками, как и в их первую встречу, но одет он был куда приличнее. На смену грязной рубашке пришел джемпер, брюки были опрятны и хорошо выглажены, а на ногах появились ботинки.

Ада перевела взгляд на свои носки в сердечко и вздохнула.

— Так какова плата?

— Поможешь мне найти цветок папоротника в Купальскую ночь.

— Цветок папоротника, — повторила Ада, — то есть, он существует? Серьезно?

Куруш указал на дверь.

— Тебя сейчас хочет съесть Болотница. Подозреваю, до этого вечера ты была уверена, что и она всего лишь фольклорный персонаж.

— Но Болотницы разве не живут на болотах? — с сомнением уточнила Ада. Прежде чем заключать сделку, она надеялась хоть немного разобраться в ситуации.

— Она и жила. Чуть больше ста лет назад здесь было чудесное гиблое болото, но потом пришли люди. Высушили его и построили город. Многие из жителей этих мест ушли, но кое-какая нечисть осталась и попыталась приспособиться.

— Ада, с кем ты?! — теряя терпение, позвал «фольклор-

ный персонаж». Дверь затряслась, еще немного, и Болотница, окончательно лишившись терпения, вырвала бы ее из дверного проема.

— Так что? — спросил Куруш. — Уговор?

— Ты меня спасешь, а я помогу тебе найти цветок папоротника? — уточнила Ада, напуганная неистовством нечисти.

Он кивнул.

— Уговор.

Желание Болотницы сберечь свою собственность Куруша не волновало. Дверь распахнулась, вырвав задвижку из дерева и сильно приложив хозяйку квартиры. Та с шипением отпрянула. Зеленые огоньки в провалах глазниц разгорелись ярче. Запах болота стал отчетливее.

Угрожающее шипение перешло в хрип ужаса, когда в коридор из ванной ленивыми щупальцами начала выбираться темнота. Куруш, держа руки в карманах, переступил порог. Воздух наполнился колкой и холодной навьей силой.

— Что же ты, сестрица, такая неосторожная? — с ласковой улыбкой спросил он.

Болотница попятилась.

— Какая я тебе сестра, отродье?

— И правда. — Улыбаться Куруш перестал. — Еще раз протянешь лапы к девочке, лишишься головы. Я людей не убиваю, на нечисть моя добрая воля не распространяется.

Он осекся и обернулся к Аде, с укором глядя на нее.

— Охолони-ка, душенька. Из меня силу зачем тянешь?

— Я ничего не делаю.

Куруш не поверил, вздохнул тяжело и развеял почти заполнившие весь коридор зловещие тени.

Сразу же потеплело.

Но что она сделала не так, Ада все равно не поняла.

Болотница, чувствовавшая ее кровь, вела себя странно и едва держалась, чтобы не броситься. Куруш заметил это и с недовольным видом подул на кровоточащий палец Ады, останавливая кровь.

Это благотворно подействовало на нечисть.

— Ключик под шарфиком, — сказала уже Агрепина Всеволодовна, вернувшая себе вполне человеческий вид. Она отступила к кухне, освобождая проход.

На полочке у двери и правда лежал цветастый шарфик, а под ним обнаружилась связка ключей.

Выбравшись в подъезд, они поднялись на пятый этаж.

Ада безропотно позволила Курушу переступить порог квартиры. Она больше не считала ее своим домом и твердо решила съехать. Теперь уже без сомнений и сожалений.

— Напоишь спасителя чаем?

После всего произошедшего сил быть гостеприимной у Ады не осталось, но она повела Куруша на кухню. Поставила чайник и даже достала из неприкосновенного запаса коробку конфет.

— В начале июля и до Купальской ночи переедем в лес,

— сказал он, заняв стул за круглым кухонным столом. — Не пугайся, я не потащу тебя жить в корнях деревьев. Поедем в загородный санаторий. Тихое и безопасное место. Было бы лучше тебя отвезти туда прямо сейчас, но времени осталось слишком много, там нас успеют найти…

Ада не перебивала, да и не слушала толком его размышления. Для себя она твердо решила, что никуда с ним не поедет, завтра же утром сядет на поезд до дачного поселка, где она вплотную займется изучением мифологии и фольклора.

Куруш спас ее от Болотницы, но и сам представлял большую опасность.

— Собирай вещи, — сказал он, когда Ада поставила перед ним чашку с фотографией кота на боку — плод безудержного ночного шопоголизма Настеньки.

— Сегодня я никуда не поеду. Я устала.

— Голодная нечисть не будет ждать, пока ты отдохнешь, сожрет как есть.

— Тут есть кто-то еще вроде Агрепины Всеволодовны? — похолодела Ада.

— Кто? — не сразу понял Куруш. Потом сообразил и поморщился. — А… Не похоже, но не уверен. Ночью я даже Болотницу учуять не смог, если поблизости живет кто-то сильнее, он легко скроет от меня свое присутствие. Я все еще слишком слаб.

Ада поёжилась. Пока нечисть видела её насквозь, она не могла знать наверняка, кто настоящий человек, а кто каче-

ственная подделка.

— И все-таки я хочу последнюю ночь провести в своей кровати. Кто знает, когда это случится в следующий раз.

Куруш посмотрел на неё с сомнением, но настаивать не стал. Велел запереть двери и никому не открывать. И не подходить к окнам.

— Заберу тебя завтра в обед. Надеюсь, ты будешь готова.

Ада кивнула. Определённо, к обеду она наверняка будет готова…

Поезд, который должен был отвезти её в дачный посёлок, отправлялся в десять утра.

27 дней до Иван Купалы

Собирать вещи Ада начала в шесть утра. Всю ночь она не сомкнула глаз, жадно поглощая информацию о нечисти. Найти хоть что-то на Куруша не удалось. Вечером, за чаем, она пыталась неуклюже разузнать о нем что-нибудь…

— Ты говорил, что пришел на эти земли с тюрками, — напомнила она, стоя с чашкой чая у плиты. Ей не хватало смелости приблизиться и уж тем более сесть рядом с самым настоящим монстром. Даже того расстояния, что между ними оставалось, было слишком мало. Ада почувствовала бы себя спокойно, только если бы Куруш внезапно телепортировался на луну. — Не знаешь, с каким именно народом?

Она надеялась узнать что-нибудь, что облегчило бы ей поиски в будущем. Но он лишь пожал плечами.

— Понятия не имею. Я не разбираюсь в сортах человечины.

Однако кое-что о Куруше Ада все же узнала. Например, что он был владельцем похоронного бюро и именно благодаря этому имел постоянный доступ к остаточной энергии смерти, которой и питался последние тридцать лет.

— Держи, — Куруш вытащил из кармана брюк визитницу и положил на край стола черный прямоугольник картона. Подумал немного и попросил ручку, а после написал что-

то на оборотной стороне. — Если понадобится со мной связаться, позвонишь по этому номеру.

Визитку Ада подняла только когда он покинул квартиру. На черном бархатном покрытии золотым тиснением было выведено имя «Кронский Кир Романович» и название похоронного бюро «Тризна»*.

Тризна — часть языческого погребального обряда у восточных славян, состоявшая из песен, плясок, пиршества и военных состязаний в честь покойного.

Ада аккуратно убрала ее под чехол телефона и забыла, полностью отдавшись поиску способа спастись от печальной участи стать чьим-нибудь обедом. За ночь она узнала много всего о нечисти, выяснила, как от нее можно спастись, но так и не нашла способа защититься от потусторонних сил. Почти впала в отчаяние, но уже рассвело и пришло время паковать чемодан.

Билет на поезд она купила сразу же, как только закрылась дверь за Курушем. Оставалось лишь добраться до вокзала, а потом продержаться еще сутки. Ада не планировала обманывать того, кто мог запросто выйти к ней из тени, и собиралась позвонить ему в начале июля, чтобы помочь с поиском цветка папоротника, но проводить в его обществе целый месяц она была не намерена.

Все необходимое уместилось в небольшой желтый чемо-

дан на колесиках.

В половину девятого Ада уже стояла у подъезда и нервно оглядывалась, дожидаясь такси. Мимо квартиры Агрепины Всеволодовны она проходила едва дыша, но Болотница даже не выглянула.

По еще полупустым дорогам Ада доехала быстрее, чем рассчитывала, из-за чего ей пришлось провести на вокзале больше времени, что не пошло на пользу ее нервам.

В зале ожидания царила атмосфера нетерпения и легкой суматохи. В воздухе гудел неразборчивый голос диктора, объявлявшего поезда. У большого окна в дальней части зала громко смотрели мультики два мальчика лет шести.

На сиденье напротив Ады дремал мужичок.

Чуть поодаль она заметила двух молодых людей, примерно одного с ней возраста, похожих как брат с сестрой. Светловолосая и сероглазая девушка и светловолосый и сероглазый парень. Оба в похожих серых куртках, с объемными черными спортивными сумками в руках. Они поглядывали на Аду и перешептывались.

И она почувствовала себя добычей.

Чужой откровенный интерес насторожил ее, заставив обратить на незнакомцев особое внимание. Ада краем глаза следила за ними и когда объявили о прибытии ее поезда — они поспешили на перрон первыми — и когда встала в недлинную очередь на посадку — они стояли в толпе к соседнему вагону.

Окончательно убедившись, что ничего хорошего ее в этом поезде не ждет, Ада уже собиралась отступить и отказаться от поездки.

Следующий поезд отправлялся в три часа, она вполне могла подождать…

— А ты не устаешь меня удивлять. — На плечо, пригвоздив к месту, легла ладонь. — Как же наш уговор?

Рядом с ней стоял Куруш… Хотя сейчас, в темно-синей рубашке, с чемоданом и стаканчиком кофе из автомата в руке, его следовало звать не Куруш, а Кир.

— Я обещала помочь найти цветок, мы не договаривались, что я должна быть постоянно с тобой до Купальской ночи.

— Это вопрос твоего выживания…

Ада насупилась. Она почти не боялась немедленной расправы, потому что они находились в людном месте и потому что ему все еще требовалась ее помощь.

— Как ты меня нашел?

— После того, как тебя едва не убили, ты решила остаться на ночь рядом с Болотницей, вместо того, чтобы воспользоваться моей защитой. Стала бы ты так поступать, если бы не планировала сбежать?

— Я не об этом спросила. — не дала себя запутать Ада. — Как ты меня нашел? По тому самому огоньку?

Куруш недовольно поморщился.

— Ты подарила мне способ попроще, когда позвала меня

и не предложила никакого дара. Поэтому в качестве подношения я взял кровь. Теперь я могу найти твою кровь, где бы она ни была. И тебя вместе с ней.

Она почувствовала, как эти слова, весь их ужасающий смысл, холодным комом осел в желудке.

— Ты не предупреждал, что нужна будет плата.

— А ты не спрашивала.

Ада не нашлась с ответом, до глубины души потрясенная бесчестностью и наглостью Куруша.

Ее отвлекло движение на границе зрения. Незнакомцы, что совсем недавно вызвали у нее подозрения, уже стояли перед проводницей. Куруш проследил за ее взглядом и хмыкнул.

— Они тоже нечисть? — невольно понизив голос, спросила Ада, решив на время оставить тему с платой.

— Куда там. Девочка слабенькая ведьма, а парнишка вовсе без дара, но заговоренными амулетами увешан, что ваша новогодняя елка. Две бездарности из какой-то общины.

— Почему сразу бездарности? — невольно обиделась за незнакомцев Ада. После того, как стало известно, что Куруш ее обманул, она ощущала сильную потребность во всем с ним не соглашаться.

— Ведьма слабая и защитить себя не сможет, но ее не научили прятать дар, она станет легкой добычей для любой достаточно сильной нечисти. Или темного колдуна, они не брезгуют выпивать жизненную силу вместе с даром из таких

вот неудачниц. А амулеты… Даже смотреть больно. Они не только низкого качества, куда хуже то, что одна половина заговоров конфликтует с другой.

Ада вспомнила, как холодно становилось рядом с Курушем, когда он использовал силу, и как запахло болотом, когда Агрепина Всеволодовна скинула личину, и по-новому посмотрела на девушку. Та уже забиралась в вагон, находилась слишком далеко, и, если словам нечисти вообще можно было верить, ее ведьминский дар был слишком слабым, чтобы можно было что-то почувствовать, но Аде все равно было интересно, как он ощущается.

Впрочем, интересно ей было недостаточно сильно, чтобы добровольно рисковать и приближаться к самой настоящей ведьме. Даже если Куруш отзывался о ней с таким пренебрежением.

В данный момент Ада должна была разобраться с настоящей бедой:

— Мне нужна еще одна клятва. — сказала она, собрав всю свою смелость, а осталось ее после недавних происшествий не так уж и много. — Клянись, что не съешь меня после того, как я помогу тебе с цветком папоротника.

— Говорил же, не ем я людей.

— Это сейчас не ешь, а если потом станешь, что мне тогда делать? Я теперь от тебя даже спрятаться не могу…

Сама мысль о том, что Куруш мог отыскать ее в любой момент, приводила в ужас и холодком проходилась по спине.

— Справедливо. — неожиданно легко согласился он и поклялся без сопротивления.

На мгновение Аде даже стало стыдно за свои подозрения, но она быстро вспомнила, с кем имеет дело. Поблагодарила и протянула паспорт проводнице, как только стоявшая перед ней женщина скрылась в вагоне.

— Уж не знаю, куда ты там едешь, но хорошей дороги. — с невозмутимым видом сказала Ада, недвусмысленно намекая, что им не по пути.

Куруш усмехнулся и промолчал, позволив ей еще двадцать минут тешить себя бессмысленной надеждой. Но как только поезд тронулся, а проводница прошлась по всем пассажирам, он появился рядом с ее местом, шепнул что-то пареньку, занимавшему соседнюю полку, и через минуту уже сам сидел напротив Ады.

— Что это было?

— Милый юноша согласился поменяться со мной местами.

В неуклюжих и ломаных движениях парня не было и намека на добровольность. Но указывать на это она не стала, уж слишком внимательно на них смотрела бабушка, сидевшая напротив, на боковом месте в компании внука-подростка.

Следующие двадцать четыре часа обещали быть очень сложными.

Когда в проходе остановились уже знакомые Аде девушка и парень и уверенно закинули свои сумки на пока еще пусту-

ющие верхние полки, она не удивилась, хотя прекрасно понимала, что эти двое должны были ехать в соседнем вагоне.

— Ну приветик, — со зловещей улыбкой произнес Куруш, чем значительно сбавил градус радости ведьмы.

— Здравствуйте, — неуверенно произнесла она.

Силу он прятал мастерски, об этом Ада уже успела догадаться, поэтому на растерянную девушку, которая не понимала, почему на мгновение ей стало так страшно, смотрела с сочувствием.

Представились они Аленой и Мстиславом, назвались братом с сестрой, и ехали, как и Ада, до конечной станции…

— Мы в общину едем, — призналась ведьма, неторопливо, мелкими глотками отпивая чай из железнодорожной кружки. Она сидела рядом с Адой на нижней полке и толкалась локтями с братом. Никто из них не хотел оказаться рядом с Курушем. — Учебный год закончился, вот мы домой и возвращаемся.

— Родова Слобода? — будто невзначай поинтересовался Куруш. Настороженный взгляд Алены стал для него лучшим ответом. — Значит, туда вы хотите заманить Аду?

— Это плохое место?

— Как сказать. Община закрытая, но слишком слабенькая и раньше меня не интересовала, поэтому известно о них мне не так уж много. Просто безобидные фанатики. Отправляют детей в мир получить практические знания, но не забывают одевать на них поводки.

Куруш прищурился, вглядываясь в что-то на уровне их шей, будто там и правда висел ошейник.

— Мы не фанатики, — нахмурился Мстислав.

— Так подскажи, как мне стоит называть людей, добровольно принимающих смертельное проклятие?

— Его всегда снимают, когда мы возвращаемся, — попыталась оправдать традиции общины Алена.

— Конечно, снимают, иначе злая воля, вложенная в проклятие, начнет действовать. Как вижу, ваши старейшины не способны сделать отсрочку дольше, чем на полгода…

— Какая разница, если мы успеваем снять его раньше, чем оно начинает действовать?

Куруш не стал ей отвечать, только выразительно посмотрел на Аду. Старейшины не доверяли членам своей общины и пытались так привязать их к себе. Готовы были лишить человека жизни, только бы не отпускать на свободу.

К чему он затеял этот неприятный разговор, Ада поняла через несколько часов, когда осмелевшие общинники начали осторожно зазывать ее в гости.

26 дней до Иван Купалы

Уснула Ада поздно из-за нервного перенапряжения и близости сразу трех опасных существ. Несмотря на то, что у Куруша был личный интерес в том, чтобы она дожила до Купальской ночи, он вызывал еще меньше доверия, чем подозрительные общинники.

Проснуться же Аде пришлось всего через несколько часов немного за полночь из-за того, что Куруш зажал ее в угол и навалился сверху.

Она испугалась, завозилась, задохнулась от злого, могильного холода, затянувшего весь вагон, попыталась спихнуть Куруша. Отбиться не удалось, но несколько неуклюжих, панических тычков достигли своей цели. Он сдавленно охнул и зашипел:

— Успокойся, дурная, — спеленал покрывалом, обхватил крепко и перестал скрывать силу. Смертельный холод сменился другим, потусторонним и покалывающим, даже приятным в сравнении с тем, что Аде пришлось испытать несколько мгновений назад. Она затихла, и Куруш немного расслабился.

— Ты что творишь?

— Жальник рядом. Большой и древний, на таком всегда какая-нибудь сильная нечисть да живет. Если тебя, безголовую, почувствует, то уже не отпустит… Почему не предупре-

дила, что будем такое опасное место проезжать?

— Откуда бы я знала? Тут, вообще-то, таблички на дороге не стоят. Никто не приветствует при въезде на территорию какого-то там жальника.

Куруш помолчал немного, неохотно признавая ее правоту. И быстро нашел другую жертву.

— Ведьма, — недобро позвал он.

— А… Алина меня зовут, — обмирая от страха, но все равно упрямо произнесла девушка с верхней полки. И еще тише, виновато добавила: — Я не подумала…

Сложно было сказать, чего она боялась больше: коснувшейся ее, застоявшейся и тягостной энергии жальника, что копилась в этом месте столетия, или Куруша, который только что раскрыл свою силу, чтобы скрыть от обитавшей здесь нечисти присутствие Ады.

Куруш скрипнул зубами и промолчал.

Некоторое время они ехали в тишине, пока не почувствовали, что поезд начал замедляться.

— Мы еще не проехали? — шепотом спросила Ада.

— Нет.

Мстислав, как обычный человек, ничего не почувствовал и продолжал крепко спать. Его сестра, напротив, тряслась от ужаса и не смела лишний раз даже пошевелиться. Аде тоже было непросто, Куруш давил не только своей силой, но и всем немалым весом.

Заскрипело под днищем вагона, с шипением вышел воз-

дух, и состав остановился. Стало тихо, только Мстислав сладко похрапывал и где-то в другом конце вагона негромко переговаривались еще бодрствующие пассажиры.

Какое-то время ничего не происходило. Куруш сполз с Ады и выпрямился, выглядывая в проход. Прислушался. Принюхался.

На нем все еще была нелепая футболка с самодовольным хомяком, которая совсем недавно вызывала только смех. Теперь же ничего забавного в облике Куруша не было.

Проводница открыла дверь вагона и спустила ступеньки — стоянка была долгой.

Ада лежала, не шевелясь и стараясь дышать как можно реже и тише, и во все глаза смотрела на застывшую в проеме фигуру, подсвеченную лишь слабым светом из конца вагона, сквозь опущенные шторы не проникало ни капли света.

Так продолжалось с четверть часа. Потом Куруш выругался и отступил на шаг. Причина такого поведения скоро стала понятна. По проходу шло существо, укутанное в старый, грязный саван. Серая кожа, плешивая голова, зловоние разлагающейся плоти, заполнившее вагон раньше, чем Ада успела увидеть недоброго гостя.

Он пришел в полусгнившем, изъеденном червями теле. В пустых глазницах тлели огоньки. Его присутствие давило, а запах душил, но никто не проснулся. Наоборот, заснули даже те, кто еще совсем недавно бодрствовали.

Проводница тихо привалилась к стенке, уснув прямо у

входа. Те, кто вышли подышать свежим воздухом, попадали кто где был.

Ада захрипела, силясь вздохнуть, дернула ворот футболки. Воздуха не хватало, от ощущения, будто глотку набило сырой землей, накатила дикая паника.

Куруш оказался рядом и положил ладонь на голову. Наваждение отступило.

— Уж больно ты чувствительная, — с неудовольствием отметил он. — Это всего-то бес, ослабленный к тому же, а ты уже умирать готовишься.

Несмотря на откровенно пренебрежительное отношение к визитеру, голос Куруша звучал низко и глухо от напряжения, и сила его гудела в воздухе, вытесняя зловонный смрад.

— Слышал я, что уже лет сорок на каком-то старом жальнике бес живет, но не думал, что выпадет шанс свидеться. — Окинув едва шевелящееся тело цепким взглядом, Куруш криво улыбнулся. — Не пожалели тебя светлые, даром что добренькими притворяются.

— Отдай по-хорошему. — хрипло велел бес. — И уйдешь целым. И все выживут. Иначе никого не пощажу. Всех изничтожу.

— Это он тебя требует, — предупредительно пояснил Куруш, обернувшись к напуганной Аде. — Его, если слухи не врут, тела лишили и к жальнику привязали, оставили, значится, на медленное и мучительное издыхание, потому что он деревеньку одну под корень извел. Смерти кругом полно,

да все тела и даже кости, уже давно истлевшие, с землей перемешались. Ни за что не зацепиться… — И уже сухо продолжил, глядя на беса. — Только не учли добряки безмозглые, что рядышком еще одна деревенька была, а в ней кладбище… Одного понять не могу, как ты до него дотянулся.

— Это не я. — Выплюнул бес. Голос его звучал так, будто это в его глотке оказалась земля, которую совсем недавно чувствовала Ада. — Людишки самоубийцу за границей кладбища похоронили.

— Вот же темный народ. — Поморщился Куруш. — Давненько это было, как вижу.

Несмотря на все оставшиеся силы, которых было не так уж и мало, тело все равно изрядно потрепало временем. Оно разваливалось на глазах и очень скоро грозило прийти в полную негодность, после чего шансов на спасение у беса попросту не останется.

— Не боись, чтобы вас поубить, мне сил хватит.

— Если бы оно так и было, весь путь до нас сейчас устилали трупы. — Со странной улыбкой произнес Куруш. — Но ты свидетелей всего-то усыпил. Потому что сил тебе только на это и хватило. Я вашего брата уже встречал, милосердие вам не знакомо.

Бес нахмурился, что с его осунувшимся и подгнившим лицом выглядело особенно дико. Повторил:

— Отдай по-хорошему.

— Зачем я ему вообще? — Тихо спросила Ада.

— Его к жальнику на сильное заклятье привязали, сам он его не разрушит, особенно в таком состоянии. — Отвечал Куруш ей, продолжая следить за каждым движением беса. — А ты сможешь. Заполнит тебя накопившейся за века энергией смерти, а после займет твое тело. Всю поглощенную тобой силу себе заберет, да еще душой перекусит, и легко вырвется. С обычным человеком такое не получится, но ты — другое дело. Ты же особенная.

В его голосе прозвучала неприкрытая ирония, но Ада не обиделась. Содрогнулась от представленной перспективы и сильнее вжалась в угол.

— Раз понимаешь, значит, должен знать, она моя последняя надежда. Терять мне больше нечего. Коли сам не выберусь, то и вас погублю.

— Лет двадцать назад шансы у тебя еще были бы, но не сейчас…

Бес недолго помолчал.

Ему пришлось пожертвовать всем, что у него осталось, только чтобы натянуть магический поводок и добраться до поезда ради последней надежды на освобождение.

Он отдал всё ради этого шанса, дальше была только смерть.

— Может, тебя мне и не победить, а что насчет нее?

Стоило бесу замолчать, как Ада захрипела, задыхаясь. Свесилась с полки и выплюнула ком влажной земли. По щекам потекли слезы. Она силилась вздохнуть, но нос тоже за-

било землей. Пахло жирным, плодородным черноземом, как на перепаханном поле.

Куруш оказался рядом с ней, вновь попытался развеять злую волю прикосновением, но полностью убрать не смог.

Ада отчаянно, дрожащими пальцами вцепилась в его футболку, силясь вздохнуть, но не могла.

Бес вложил в ее убийство всю свою силу.

— Если ее не получу я, то и тебе она не достанется. — Прохрипел он. Тело, и без того обветшалое и хрупкое, медленно рассыпалось пылью.

— Где есть деревня, есть и церковь. — Зло напомнил Куруш.

Правильно поняв угрозу, бес натужно, хрипло расхохотался, открыв гнилые, редкие зубы.

— И как же ты меня туда затащишь? Мой поводок слишком короток.

— Ты не можешь попасть к живым, но уничтоженная тобой деревня совсем близко. Я чувствую. И там точно была церковь. Подыхать будешь в муках.

Бес резко перестал улыбаться, хотел что-то сказать, но его поглотила темнота. На мгновение из вагона исчез весь свет, а когда зыбкий полумрак все же вернулся, ни беса, ни Куруша поблизости уже не было.

Наваждение спало само собой, как только наславший его оказался на святой земле. Ада смогла дышать, но комья земли, все еще лежавшие под столиком, были свидетельством

пережитого ею ужаса. Некоторое время она так и лежала, свесив голову вниз, и хрипло, жадно дышала. Выплюнула остатки земли, застрявшие в горле, откашлялась. Почти поверила, что беда миновала, когда от боковых мест послышался тихий голосок соседки-старушки.

— Давай, Митенька, шанс подвернулся, мы должны им воспользоваться.

Митенька, ее внук-подросток, тихо и легко спрыгнул с верхней полки.

Алена судорожно всхлипнула.

Ада же получила хороший урок: не один Куруш умел скрывать свои силы. А их соседи оказались не такими уж и безобидными — всех людей бес усыпил, чтобы не мешались, бодрствовать остались только одаренные, как она сама и Алена, и нечисть.

И как только по вагону потянуло теплым, железным запахом свежей крови, несложно было догадаться, что последние бодрствующие относились к нечисти.

— У…упыри, — выдохнула Алена. — Ада, беги!

И Ада, превозмогая дурноту и слабость, схватила железнодорожную кружку с недопитым чаем и швырнула в оскалившегося на нее подростка. От неожиданности он отпрянул и налетел на бабушку. Суматоха продлилась недолго, но времени, чтобы выбраться в коридор, Аде хватило. Она бросилась к туалету, надеясь запереться там и продержаться до возвращения Куруша. Но кабинка оказалась занята. Ка-

кой-то бедолага как раз был внутри, когда бес всех усыпил.

Вспоминая все ругательства, какие ей только были известны, Ада судорожно нажала на кнопку двери между вагонами.

Упыри были уже совсем близко. Разъяренное лицо бабушки, искаженное и бледное, было неожиданно отчетливо видно в тусклом освещении. За ее спиной маячил внучок.

А за ними — Ада не сразу поверила своим глазам — бежала перепуганная, но решительная Алена, прижимая что-то к груди.

Створки, наконец, открылись, впуская в следующий вагон. Ада пробежала несколько шагов и споткнулась о тело проводницы. Упала. Попыталась подняться и вскрикнула, когда ее схватили за волосы.

Бабушка одним движением вздернула ее на ноги и толкнула к внуку.

— Пей, — велела строго. — Времени мало… И не жадничай, мне тоже немного оставь.

Парнишка кивнул.

Ада ожидала увидеть пару длинных клыков, жертва заблуждений, она оказалась не готова к реальности. Нижняя челюсть внука раскрылась, обнажив влажное и розовое нутро горла, из которого показалась тонкая мясистая трубка с остроконечным костяным наростом.

Содрогнувшись от отвращения, Ада отчаянно задергалась, но тощие на первый взгляд руки были неожиданно крепкими. Трубка примерилась и зависла, целя в горло, чуть

подрагивала в такт пульсации крови в венах жертвы.

Парализующий, удушающий и лишающий голоса ужас накрыл ее с головой.

Спасла от страшной участи ее Алена. Налетела сзади, прижала что-то к спине упыря, прямо между тощими лопатками, и громко, торжественно, побелевшими губами произнесла несколько непонятных слов.

Внук дернулся, выпустив Аду из рук, развернулся, метя скрюченными пальцами с отросшими черными когтями в глаза ведьме, но запутался в ногах и неуклюже свалился. Попытался подняться, а вместо этого сильно качнулся вперед и врезался головой в закрывшуюся дверь.

— Ты что натворила? — разъярилась бабка.

— Порчу навела, — призналась Алена, недоверчиво следя за тем, как парнишка все сильнее травмировал сам себя. — Не знала, что на упырей она так хорошо цепляется.

— Сними!

Ада, воспользовавшись моментом, проскользнула мимо все еще распластанного по полу упыря за спину ведьмы.

— Я лучше и на вас наведу, — огрызнулась Алена. — Забирайте своего внука… если он вам правда внук. На рассвете всё должно само собой пройти, но это если вы меня еще сильнее не разозлите.

За тем, как упыри послушно отступили — парнишка постоянно спотыкался, его вело то в одну, то в другую сторону, Ада смотрела со смешанными чувствами.

— Имей в виду, ведьма, если ты меня обманула и ему с рассветом не полегчает, я тебя из-под земли достану, — пригрозила на прощание упырица.

Алена нервно передернула плечами и тихо, доверительно сообщила:

— Нашла дурочку, а? Как же она меня найдет, если крови моей даже не попробовала. Я, может, и неопытная, но основы уже знаю.

Ада угрюмо молчала, не испытывая воодушевления от выигранного боя. Она не смогла дать отпор, едва не лишилась жизни… Внутри нее хранилось что-то важное, что-то очень нужное нечисти, но для нее самой это было совершенно бесполезным. Что хорошего в ценности, неспособной даже защитить своего носителя?

— Послушай, если ты поедешь в общину вместе с нами, то будешь в безопасности. — сказала Алена. Она уже не раз пыталась ее уговорить, неизменно получала отказ, но все равно не желала сдаваться. — Твой сопровождающий, ему же цветок папоротника от тебя нужен, да?

— С чего ты взяла? — насторожилась Ада.

— В прошлом году в нашу общину приезжал алтайский шаман. Обсуждал разное со старейшинами, и я случайно подслушала один разговор… С полсотни лет назад стали появляться намеки на возвращение древних богов. Капища начали набирать силу. И с тех пор таких, как ты, с пробужденной… эм, искоркой, — Алена смутилась, — они как-то ина-

че это назвали, но я не запомнила, только смысл поняла. Так вот, могущественная нечисть стала таких, как ты, разыскивать, чтобы вы добыли для них цветок папоротника. Нечисть мощь накапливает с годами, хотя не у всех получается. Взять хотя бы этих, — она махнула в сторону ушедшим упырям. — Бабка так в силу войти и не смогла, поэтому стареет. Жизнь у нее, конечно, подольше человеческой будет, но о бессмертии ей и думать нечего. Так и ее внучок. Будь у него потенциал, моя порча его даже не задела бы, даже если бы у меня самый мощный ловец силы при себе был.

Алена показала амулет, собранный из веточек и ниток с вплетенными в причудливый узор бусинами, он чем-то напомнил Аде ловцы снов, какие она мастерила в школе, только от этого тянуло свежестью и легким хвойным ароматом.

— Для такой слабой нечисти цветок папоротника даже опасен, поэтому они и не думают его искать, справиться-то не смогут. А вот твой сопровождающий, — она упрямо отказывалась звать его Киром, как он представился, — вполне способен усвоить этот природный дар и приумножить свои силы… Ну, это если сможет тебя при себе удержать. Так-то за тобой всякая нечисть будет охотиться. Особенно те, кто людьми питаться перестал, вот уж они настроены решительнее всех.

Ада всё сильнее напрягалась. Ни о чем таком они с Курушем в поезде не говорили, и узнать его планы Алене было неоткуда…

— Такое тоже ради папоротника делают?

— Ага. Это, вроде как, должно облегчить присвоение силы цветка. Правда это или нет, не знаю, но нечисть в это верит. И те, кто рассчитывают получить цветок, отказываются от охоты. Ну оно и понятно, если боги все же вернутся, лучше быть к этому готовым. — Алена посмотрела в окошко. Люди на перроне медленно приходили в себя. — Надо нам возвращаться… Ты все-таки подумай над моим предложением. И если сможешь цветок для моего брата найти, мы оба будем по гроб жизни тебе благодарны.

— А ему зачем? Он разве не простой человек?

— Человек, но у нас в роду одаренные были, а значит, шанс пробудить в нем силу есть. Для такого цветок тоже подходит. Находит сокрытое. И если ты Славке поможешь, он до конца своих дней будет тебя защищать. Он с детства о силе мечтал…

— Я подумаю, — уклончиво пообещала Ада.

Растерянные и даже напуганные люди приходили в себя долго. Никто не понимал, что произошло, но поезд от станции отъехал вовремя.

Куруш, вернувшийся из ветхой, почти развалившейся церквушки за забытой всеми деревней, выглядел неважно. Намоленная земля вытянула из него слишком много сил. Беса она уничтожила вовсе.

Когда поезд тронулся, бабушки с внуком на боковых местах уже не было. Остались они где-то в лесу, подальше от

могущественной нечисти, которую не обрадуют новости об их самоуправстве…

Выслушав рассказ о том, что происходило в его отсутствие, Куруш не удивился, только брезгливо поморщился.

— Переоценил я их сообразительность.

— Ты знал, что рядом с нами едут упыри? И ничего не сказал? — возмутилась Ада, чем сильно его удивила.

— Что принесло бы тебе это знание, кроме страха?

Алену удивило другое:

— Они же скрывались. Как вы могли их почувствовать?

— Я сильнее, — просто ответил Куруш. — А еще, когда проверял поезд, нашел двух укушенных. Ими не питались, только одурманили. Догадываетесь с какой целью?

— Чтобы поменяться местами, очевидно же, — проворчала Ада, — как вы все это сделали. То есть, когда ты на поиски вагона-ресторана ходил, на самом деле проверял, какая еще нечисть едет с нами в поезде?

Куруш кивнул.

— И какая?

— Кроме сбежавших упырей еще колдунья в первом вагоне. Но она считает себя светлой, так что тебе не навредит.

Ада не видела поводов для радости. До недавнего времени она была уверена, что вокруг исключительно люди. Смириться с правдой оказалось непросто.

25 дней до Иван Купалы

Ада сидела за столом на знакомой до мельчайших деталей веранде и не могла поверить, что это происходило именно с ней. Напротив нахваливал оладьи ее мамы Куруш…

Прошлым утром на вокзале она попрощалась с Аленой и ее братом, проспавшим всё на свете, и их пути разошлись: чтобы попасть в дачный поселок, нужно было успеть на автобус, ходивший всего два раза в день, и трястись в нем по разбитой дороге. Добраться до общины можно было только на электричке.

Преодолев весь путь и стоя перед высоким забором родной дачи, Ада была уверена, что мама не позволит себя очаровать и погонит Куруша прочь, угрожая давно затупившимся топором, которым несколько лет назад уже гоняла по всему поселку провинившегося соседа…

В итоге же Куруш получил в пользование свободную комнату, в которой раньше жили бабушка и дедушка Ады, когда приезжали на дачу, был накормлен и обласкан, как долгожданный и самый дорогой гость.

Вечером, перед отходом ко сну, Ада зажала его в углу рядом с ванной — единственным, что было построено в доме не руками почившего деда.

— Расколдовывай моих родителей, ты перестарался, — велела она угрожающе, — живо. Они тебе не прислужники,

понял?

— Я только от враждебности избавился, — возмутился Куруш, чистенький, вкусно пахнущий яблоком и карамелью — гелем для душа, который мама всегда покупала на дачу, с еще влажными волосами и в очередной нелепой футболке.

Ада начинала подозревать, что он их коллекционировал, хотя поверить в это было сложно, в ее представлении ужасное зло и веселые футболки не были созданы друг для друга.

— Почему тогда они тебе рады даже больше, чем мне?

Он пожал плечами.

— Возможно, они всегда хотели сына, откуда мне знать?

От сильного желания сбегать во двор за топором и лично выгнать Куруша прочь из дома чесались руки.

Тогда Ада медленно вдохнула и выдохнула, развернулась и молча ушла, широко размахивая руками, чтобы хотя бы так выпустить пар…

А теперь вынуждена была наблюдать, как ее родители, серьезные, в общем-то, люди, смеются над шутками существа, способного съесть их за считанные секунды.

И хуже всего было даже не то, что они так весело проводили время в компании самой настоящей нечисти, самым страшным была отстраненность, с которой Ада обо всем этом думала. Всего пару дней назад она узнала, что нечисть существует, Навь вполне реальна, цветок папоротника не миф, а она теперь лакомый кусочек для всяких чудовищ, и ее это уже даже не удивляло.

Наложив себе побольше оладий и щедро залив их малиновым вареньем, Ада подхватила тарелку и чашку с чаем и гордо удалилась на крыльцо есть в гордом одиночестве. Ее никто не останавливал. Куруш только глянул мельком, убедился, что далеко она не ушла, и продолжил очаровывать родителей.

***

Ада занималась чем угодно, только не тем, что планировала делать, когда ехала на дачу. Но теперь она собиралась схорониться на чердаке, где лучше всего ловил непостоянный дачный интернет, вместе с ноутбуком и погрузиться в изучение фольклора.

Однако у мамы были другие планы на дочь.

— Ты же впервые здесь, Кир, пусть Ада покажет тебе местность. У нас здесь просто удивительный лес и река.

Ада, не успевшая улизнуть, страдальчески вздохнула, уже понимая, что ей не отвертеться.

Ее мама, Галина Викторовна Кусочек, работала главным бухгалтером в строительной фирме, а отец, Григорий Михайлович Кусочек, трудился там же главным инженером. И оба они за долгие годы успели выработать особый командный тон, не допускавший возражений.

— Дочь! — позвала Галина Викторовна, использовав тот самый злосчастный тон. Аде оставалось лишь смириться.

Выставленная за дверь, она лишь раз обернулась на окна кухни, где за кружевной занавеской можно было различить

фигуру мамы, намывавшей сковороду в старой чугунной раковине.

Двухэтажный домик из белого кирпича надежно скрывал высокий забор из серого профнастила — старый, местами подгнивший деревянный забор отец заменил три года назад, когда ночью в дыру в заборе на территорию забрался диковатый пес одного из соседей и сильно испугал Галину Викторовну.

Ада провела Куруша по дорожке из камня. С одной стороны простирался уже зеленый газон, на котором обычно стоял надувной бассейн, с другой выстроились ровными рядами высокие грядки. Обычные грядки тоже были, но находились они за домом и на каждое лето становились заботой Ады.

— Тебе правда интересно посмотреть поселок?

Они вышли на широкую, наезженную дорогу. Куруш огляделся, особое внимание уделив неприметному одноэтажному домику за редким и старым деревянным забором чуть дальше по улице.

— Нужно всё проверить, чтобы в будущем, когда за тобой придут, у нас были пути к отступлению.

— Кто за мной придет? — не поняла Ада. — Я собираюсь весь месяц сидеть в доме и никому не показываться на глаза…

Она осеклась, увидев снисходительную улыбку на лице Куруша.

— Что?

— Есть много способов выследить тебя. Я постараюсь отвести взгляд, но против некоторой нечисти моя защита не сработает. Тогда нам придется бежать.

— А мои родители?

— Если повезет, их даже не заметят, если не повезет… — Куруш не договорил, по побелевшему лицу Ады догадавшись, что она сама всё прекрасно поняла. — Хочешь их защитить?

— Есть способ?

— Уедем раньше, чем наше место вычислят, и им ничего не будет грозить.

Ада сглотнула. Все ее планы пошли прахом, каменные стены дачного дома, на первый взгляд такие надежные, как оказалось, не могли ее защитить. Подавленная и тихая, она брела по пустой улице, пока Куруш крутил головой и рассматривал домики.

— Как скоро нужно ехать?

— Дольше недели на одном месте лучше не оставаться.

Теперь его слова о том, что в начале июля они уедут в лес, обрели смысл. Но понимание намерений Куруша радости Аде не принесло.

— Подозреваю, таких, как я, не так уж много, да? — безрадостно спросила она.

— Как знать. Быть может, кому-то и удалось скрыться в сибирских лесах или в Великой степи. Но если не учитывать этих счастливчиков, сейчас ты такая одна.

Смысл его слов был предельно понятен — другие не смогли выжить. Передернув плечами, Ада по-новому посмотрела на тихую тенистую улицу, та больше не казалась безопасной. От мысли о том, что всю оставшуюся жизнь ей придется убегать и скрываться, начало мутить…

Ада остановилась, дернула ворот футболки, но это не помогло. Воздуха не хватало. Она уперлась руками в колени, тяжело и часто дыша. Земля перед глазами, ее серые кеды с яркими желтыми шнурками, пучок травы, выросший в ямке между следами от шин — всё закружилось.

Куруш поддержал ее, дотащил до обочины и усадил на траву. Ада закрыла глаза, стараясь унять головокружение и тошноту. Ее била крупная дрожь, бросало то в жар, то в холод, и вокруг не было никого, кто мог бы помочь. Только Куруш нависал над ней, сложив руки на груди, и ждал, когда всё закончится.

Ему был не знаком страх, он не понимал, что такое паническая атака, и не знал, что нужно делать. Человеческие проблемы его никогда не волновали.

Но на этот раз он все же проявил что-то вроде тревоги:

— Ты ведь не умираешь? Это будет очень некрасиво с твоей стороны, умереть, не выполнив обещание… Мне вызвать врача?

— Здесь нет медпункта. — с трудом ответила Ада. Она была напугана собственным состоянием и злилась на Куруша за его безучастность. Неожиданно злость немного отвлек-

ла ее и помогла облегчить боль в груди. — И скорую сюда вызвать нельзя. Надо ехать в город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.